

Для цитирования: Сукина Л.Б. Описание монастырей как жанр научной публикации в церковной археологии XIX – начала XX в. //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_5.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.009

УДК 930.1+930.2

ОПИСАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ КАК ВИД НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

*Л.Б. Сукина*¹

1 ФГБУН Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
г. Переславль-Залесский, Российская Федерация
E-mail: lbsukina@gmail.com

В многогранной научной деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) значительное место занимают описания старинных русских монастырей, первое из которых, опубликованное еще в мирской период его жизни под именем Льва Кавелина в 1847 г.¹, посвящено Козельской Введенской Оптиной пустыни [1]. К этому виду научной публикации архим. Леонид вновь обратился десять лет спустя, вскоре после начала своего монашеского служения, а с 1862 г. описания монастырей станут традиционными пунктами списков его изданных трудов.

Точное время появления данного вида издания в российской книгоиздательской практике пока не установлено — это задача специального исследования. Среди многочисленных сохранившихся в библиотеках книг такого рода, обнаруживаются вышедшие в 1830-1840-е гг. [см., например: 2; 3]. На общем фоне в это время особенно выделяется деятельность архим., а затем еп. и архиеп. Павла (Подлипского, 1788-1861). В течение своего долгого церковного служения архиеп. Павел возглавлял различные монастыри Владимирской епархии и занимал архиерейские кафедры в Костроме и Чернигове. Анонимно с 1832 по 1838 г. опубликовал описания пяти монастырей (Костромского Ипатьевского, Переяславского Троицкого Данилова, Костромского Крестовоздвиженского, Макариева Унженского, Николаевского Луховского) [4, с. 368; 5, с. 92-95]. Некоторые из этих изданий стали образцами для последователей архиеп. Павла на поприще церковной археологии.

В России середины – второй половины XIX в. у архиеп. Павла и архим. Леонида было уже много единомышленников. Во многом это произошло потому, что Церковь предприняла специальные усилия по упорядочиванию уже делавшейся в епархиях работы. В 1850 г. появилось особое определение Св. Синода по обязательному составлению церковно-исторических и

¹ До конца жизни архим. Леонида выйдут еще три исправленных и дополненных издания описания Оптиной пустыни, опубликованные уже под его монашеским именем (изд. 2-е: СПб., 1862; изд. 3-е: М., 1876; изд. 4-е: М., 1885).

статистических описаний епархий под надзором региональных архиереев [6, с. 16]. В 1866 г. вышел специальный указ Св. Синода, регламентирующий составление церковно-приходских летописей с обязательной публикацией исторических источников и перечней имущества [7, с. 6]. Описания упраздненных и действующих обителей Русской Православной Церкви (их строений, экономического состояния, книгохранилищ, святынь, предметов старины) привлекали внимание многих священнослужителей и светских лиц (в основном, преподавателей высших и средних учебных заведений). В эту эпоху увлечение изучением прошлого и его материальных «остатков» широко распространяется в кругах образованных людей. В столице и губерниях создаются многочисленные ученые общества, подавляющее большинство которых имело археологическую направленность и ставило своей целью сохранение, собирание, описание и публикацию древностей, а также просветительство [8; 9]. Для обозначения области знаний, изучающих историю и культуру православного мира, тогда начал широко использоваться термин «церковная археология» [10, с. 8]. Плоды этой субдисциплины исторического знания были особенно обильны. Исследователи монастырской и церковной старины опубликовали десятки описаний храмов и монастырей, хранившихся в них документов, памятников книжности и искусства. Выполненные на уровне русской церковной науки XIX – начала XX в. эти публикации сохраняют свою ценность во многом благодаря тому, что воспроизводят почти не поддающуюся ныне реконструкции статистическую информацию и тексты утраченных письменных источников и эпиграфики. Составителями описаний был собран огромный материал по истории русских монастырей, хранящихся в них исторических документов и культурных ценностей. Исторического обзора в их трудах удостоились не только прославленные обители Новгорода, Пскова, Подмосковья, Владимирской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний, Русского Севера, но и малоизвестные, а также приписные монастыри и пустыни. Последовательно и скрупулезно воссоздавалась картина сложной, многообразной и насыщенной жизни русских обителей со времен средневековья до двух первых десятилетий XX в.

Описаниями монастырей, изданными в середине XIX – начале XX в., до сих пор активно пользуются историки и искусствоведы, но в современной историографии отсутствует характеристика этого вида научной публикации, игравшего прежде заметную роль в церковной археологии. В настоящей статье предпринята попытка частично восполнить данный пробел. Историография описаний обширна, поэтому, основываясь на предварительном анализе, мы ограничимся общими выводами и замечаниями.

Как справедливо отмечает Л.П. Репина, сейчас в историографии настало время уйти от инвентаризации исторических концепций, направлений и школ и обратиться к анализу профессиональной культуры исследователей прошлого, в которой отражаются качественные перемены в творческой и коммуникативной практике ученых, в самом способе историописания [11, с. 409-410]. В этом

ракурсе мы и будем рассматривать ученую деятельность архим. Леонида и его коллег, чьи труды по описанию монастырей составляют важную часть наследия отечественной исторической науки дореволюционного времени.

Опыт комплексного изучения русского монастыря как некоего особого исторического, экономического, социального, культурного явления и пространства формировался и развивался в контексте возрастания интереса власти и общества в России к национальному прошлому.

Это была эпоха создания многотомных масштабных сочинений, конструирующих историю государства, страны и народа (Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев и др.) и одновременно собрания и издания документов, произведений древнерусской литературы, памятников рукописной и старопечатной книжности. Интеллектуальная среда светских и духовных учебных заведений была насыщена историческим знанием в тогдашних формах его существования. Одинаковой популярностью пользовались труды профессиональных историков, связанных с преподаванием в университетах и Духовных академиях, и романистов, представлявших эмоционально окрашенный образ событий и создававших образы героев прошлого, которые могли служить примером потомкам. Хотя в исторической науке постепенно формировался корпус академических требований к исследовательским процедурам, методам и публикационной практике, демаркировавших строгое знание и отделявших его от литературного творчества, многие научные труды этого времени, опираясь на письменные источники, все еще сочетали в себе академичность исследования и занимательность изложения, что диктовалось просветительской функцией научной деятельности.

Для описаний монастырей также было характерно сочетание научной весомости материала и литературности в его изложении. Как отмечено выше, описания охватывали не только столичные или известные монастыри, но и многие заштатные обители. Авторами выступали в основном представители регионального духовенства. По объему их сочинения представляли собой небольшие книги или брошюры (в зависимости от количества собранной информации). Издавались они как местными губернскими и епархиальными, так и столичными (Московскими и Петербургскими) типографиями. Тиражи были довольно внушительными — от нескольких сотен до нескольких тысяч. Отпечатанные экземпляры описаний поступали в государственные и общественные библиотеки, продавались в монастырях и книжных лавках столиц, губернских и уездных городов. Их читателями и покупателями были не только православные паломники, большинство из которых составляли крестьяне и городские обыватели, но и просвещенные любители старины из числа литераторов, живописцев, профессуры и гимназического учительства, среди которых с середины XIX в. постепенно приобрели популярность поездки в каникулярное время по старинным русским городам и монастырям [см., например: 12]. Свою лепту в популяризацию описаний монастырей вносили и епархиальные и губернские ведомости, так как некоторые подобные работы

публиковались частями в приложениях к ним. Описания были многофункциональными изданиями, соединявшими в себе черты религиозно-просветительской литературы, своеобразного путеводителя и справочника, а также каталога монастырских святынь и древностей. Так, широкая адресация исторического описания Переславского Никитского монастыря, по мнению составившего его священника П.В. Ильинского, была обусловлена тем, что эта древняя обитель одинаково привлекала внимание «и странника-богомольца, и художника-туриста, и любителя русской священной старины» [13, с. 3-4].

В конце XIX – начале XX в. под влиянием распространившейся сначала в светской, а затем и в церковной среде «юбилеямани» [14] тот же круг авторов начал создавать «истории» старинных монастырей к круглым датам их основания. По своему содержанию и структуре эти сочинения мало отличались от изданных ранее описаний тех же обителей, но юбилеи давали повод к некоторой ревизии, расширению и дополнению их текстов новыми сведениями. Адресованы юбилейные «истории» были все той же аудитории. Вот как, например, обосновывается необходимость очередной книги о Переславском Троицком Данилове монастыре (к тому времени были изданы уже два его описания, подготовленные архим. Павлом (Подлипским) и протоиереем А.И. Свирелиным) ее автором В.Г. Добронравовым: «Обитель намерена торжественно праздновать день 400-летия своего существования. Несомненно, множество читателей преподобного Даниила соберутся в его обитель ради этого торжества. Поэтому представляется вполне благовременным восстановить по возможности историю этой обители, сделать последовательный исторический обзор всему пережитому ей за четыре столетия» [15, с. 3].

Составители описаний в основном стремились следовать академической манере исследования и публикации. Большинство авторов принадлежали к образованной части местного духовенства, имели значимый сан или занимались преподавательской работой. Многие были хорошо начитаны и знакомы с книжными новинками и статьями в области русской истории, древней книжности, архитектуры и археологии (в широком смысле последнего понятия). Главным признаком «академичности» в описаниях являлся интерес авторов к письменным источникам по истории монастырей — их они явно предпочитали «устным преданиям», к сведениям которых прибегали лишь при отсутствии иной, более надежной информации. Метод работы составителей описаний с письменными источниками в целом соответствовал исследовательской культуре того времени. Почти не имея возможности работать в столичных архивохранилищах, они черпали сведения из существовавших в то время публикаций документов, трудов известных историков, присовокупляя к ним данные статистических комиссий и органов местного управления. Главный информационный ресурс представляли собственно монастырские архивы, архивы духовных консисторий и епархиальных правлений. Большинство составителей описаний ограничивались тем кругом документов и других письменных источников, которые находились

в описываемой ими обители. Вот как с критической откровенностью об этом писал один из них: «Материал для настоящего труда взят из того же источника, из какого черпали и прежние исследователи <...>, то есть из монастырского архива. Но считаем нелишним оговориться, что этот обильный материал в общем довольно односторонен и не дает возможности осветить одинаково все стороны монастырской жизни» [15, с. 5]. Использование исключительно монастырского архива давало в результате однобокую и дискретную картину истории монастыря, зияющую многочисленными и нередко хронологически протяженными лакунами, которые авторы пытались заполнить пересказами Житий монастырских подвижников, если таковые имелись в их распоряжении.

Разная степень доступности источников, полноты их содержания, по-видимому, оказывали влияние и на преобладание в описаниях тех или иных элементов, что нашло отражение в формулировках названий конкретных работ. Публикации архим. Леонида представляют характерный пример заметного разнообразия конкретных наименований описаний монастырей, среди которых встречаются следующие варианты: просто «описание», «историческое описание», «историко-статистическое описание», «церковно-историческое описание» [См.: 16]. При этом преобладающим является «историческое описание», что свидетельствует о ярко выраженном интересе архим. Леонида к церковной истории и древностям и показывает, что оказавшийся в его распоряжении материал имел преимущественно характер сведений о прошлом изучаемых им обителей.

Возможность составить описание того или иного монастыря в те времена при отсутствии получения качественных фотоизображений и выполненных технологическим способом копий документов и других источников была строго детерминирована географической близостью местоположения автора и объекта его исследования. Исследователи истории, святынь и древностей православных монастырей должны были иметь доступ к их обозрению, жить в самой обители, городе, в котором она находилась или, как минимум, в близлежащем населенном пункте той же епархии. Лишь изредка описания монастырей появлялись в результате многодневной паломнической поездки. Поэтому внимание некоторых авторов на протяжении всей их жизни было приковано к монастырям, располагавшимся на сравнительно небольшой территории. Так, например, прот. А.И. Свирелин, служивший преподавателем, а потом смотрителем Переславского духовного училища, во второй половине XIX – начале XX в. опубликовал описания нескольких монастырей и храмов Переславля-Залесского и уезда [17]. Его ситуация была типичной для той эпохи. Напротив, уникальная судьба архим. Леонида и некоторых других выдающихся представителей духовенства давала более широкие возможности.

Служба в храме при русском посольстве в Константинополе с 1865 по 1869 г. способствовала поездкам на Афон и Балканы, работе в южнославянских древлехранилищах. С этим периодом жизни архим. Леонида связаны публикации его описаний древних константинопольских, афонских и сербских

монастырей [См., например: 18]. Впоследствии, управляя Воскресенским Ставропигиальным, Новый Иерусалим именуемым монастырем (1869-1877), а затем Троице-Сергиевой лаврой (1877-1891), он был членом Московского архитектурного общества и, следовательно, имел в своем распоряжении информацию о многих подмосковных обителях.

Особый интерес до конца своей жизни архим. Леонид питал к монастырям Калужской епархии. С Калужской землей его связывали воспоминания о детстве и отрочестве, начале духовного пути и церковно-археологической деятельности. Архим. Леонидом были сделаны не только упомянутые выше исторические описания Оптиной пустыни, но и Малоярославецкого Черноостровского Николаевского, Боровского Пафнутьева, Калужского Лаврентьева и некоторых других действовавших на тот период и упраздненных монастырей [См.: 16].

Особое место среди его публикаций занимает историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. Описание было сделано в 1876 г. и стало образцовым для своего времени исследованием [19]. Эта монументальная по объему работа включает не только подробное изложение истории обители, характеристику ее устройства и внутренней жизни, монастырского кладбища, построек вотчин, но и публикацию описей церковного имущества, приходо-расходных книг. Внимание архим. Леонида было сосредоточено на XVII в. — золотом для монастыря времени. В рамках книги были опубликованы фрагменты монастырского устава, введенного Святейшим Патриархом Никоном.

Нередко основу монографического труда о той или иной обители составляли статьи самого исследователя, ранее публиковавшиеся в различных периодических изданиях, как, например, в историко-статистическом описании переславского Троицкого Данилова монастыря прот. А.И. Свирелина [5]. В других случаях материал собирался специально для отдельного большого сочинения, публикацию которого не предваряли различного размера заметки этой же тематики в губернской и всероссийской прессе. Такой подход к работе был характерен для известного владимирского исследователя, преподавателя местной духовной семинарии и члена губернской ученой архивной комиссии — В.Г. Добронравова. Его «История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском» представляет собой довольно объемное монографическое исследование, выполненное в соответствии со сложившейся к началу XX в. академической традицией [15]. Многие представители церковно-археологической науки, в том числе архим. Леонид, прекрасно сочетали в своем творчестве оба подхода, о чем наглядно свидетельствуют библиографические перечни их публикаций.

Основным методом репрезентации результатов исследования у составителей описаний была дескрипция, подразумевавшая подробное и тщательное изложения собранных сведений, даже если они носили отрывочный характер и не были естественным образом объединены между собой логикой

развития исторических событий. Одной из важнейших задач авторов являлось прославление обителей, о которых они рассказывали. Слава монастыря во многом определялась его древностью. Но наличие точной даты основания обители было редкой и большой удачей для составителя описания. Как правило, речь шла о знаменитых монастырях, основанных известными подвижниками или ктиторами. Тогда это событие бывало зафиксировано в летописной статье, каком-либо акте или в Житии чтимого святого-основателя. Но время появления многочисленных небольших обителей было неизвестно, и установить его с помощью сохранившихся в архивах материалов не представлялось возможным. Тогда в начале рассказа об истории обители появлялись расплывчатые фразы наподобие «существует с давних лет». Либо авторы пытались предложить малообоснованные реконструкции, целью которых было по возможности начать историю обители от «глубокой старины». Так, уже упоминавшийся нами свящ. П.В. Ильинский выстраивал объяснение, почему он считал возможным приписать основание Переславского Никитского монастыря Св. князю Борису в промежутке от 1010 до 1015 г.: «Если возможно признать за достоверное, что святой Борис приходил к Клещинским мерянам и проповедовал среди них Христово учение, то нельзя сомневаться и в том, что он святое слово своей проповеди сопровождал и святым делом. Языческие требища он разрушал, и основывал места христианского почитания. В эту именно пору на оном из Клещинских возвышений, которое у мерян, по всей вероятности, было местом поклонения идолам, и могло быть положено основание Никитскому монастырю — одному из надежных оплотов христианства, насаждавшегося среди неверных» [13, с. 5]. Чувствуя шаткость и уязвимость своей конструкции, сплошь пронизанной оговорками о возможности и вероятности такого хода событий, не подтверждаемых никакими письменными источниками, исследователь прибегает к данным археологии, «доказывающим» правомерность его рассуждений. Ссылаясь на графа А.С. Уварова, П.В. Ильинский подчеркивает, что о христианизации мерян св. кн. Борисом могут свидетельствовать положение костяков в мерянских захоронениях и сопровождающие погребения атрибуты — монеты начала XI в. и металлические кресты [13, с. 5]. Таким образом, несмотря на насыщение своих рассуждений вольными допущениями, автор описания пытался оставаться в границах «ученого» сочинительства.

Систематизированная и наиболее полная историческая часть описаний хронологически начиналась, как правило, с XVI в. В архивах многих древних монастырей сохранялись грамоты Василия III, Ивана Грозного и последующих государей старой и новой династий, вкладные книги и синодики того времени. Эти материалы позволяли восстановить многие важные вехи прошлого той или иной обители. Но, как отмечали некоторые составители описаний, сохранившиеся монастырские документы допетровского времени были связаны преимущественно с особенностями и порядком ведения вотчинного хозяйства, поэтому позволяли с различной степенью успешности рассматривать

экономические аспекты жизни монастырей в XVI–XVII вв. Социальное же и духовное бытие монашеской общины почти не поддавалось реконструкции. Редкие крупницы информации, относящейся к сфере внутренней жизни монастыря, иногда удавалось обнаружить в Житиях его основателей и известных подвижников.

Значительное место во многих описаниях занимала характеристика сохранившихся в монастыре древних церковных построек, стенных росписей, икон, ценных с исторической и художественной точек зрения образцов лицевого шитья и ювелирного дела (крестов, литургических предметов). По мере развития интереса к древнерусскому искусству и древностям, имевшим эстетическое значение, эта часть играла в описаниях все бóльшую роль, представляя монастырь как сокровищницу, достойную внимания не только любителей церковной старины, но и ценителей прекрасного. Таким образом, описания, уже обретшие к началу XX в. стандартный «формуляр», заметно трансформируются и обретают вид «историко-археологических очерков», в которых исторический и эстетический анализ играет более важную роль, чем перечень статистических сведений о хозяйственной деятельности монашеской общины [см., например: 20].

Историописанию XIX – начала XX в. был присущ свободный стиль и слог, выражение мнений, окрашенных эмоциями автора. Как и в книгах профессиональных историков, в описаниях монастырей нарративная часть, написанная литературным языком с множеством ярких эпитетов и включением в повествование вымышленных диалогов между важными историческими лицами или персонажами агиографических сказаний, часто дополнялась публикацией относящихся к истории обители документов и надписей на предметах старины. Это обстоятельство главным образом и способствовало в дальнейшем сохранению значимости описаний для научных исследований.

В первой половине и в середине XIX в. описания монастырей почти не имели иллюстраций. Иногда в качестве таковых выступали одна-две гравюры не очень высокого качества, на которых был представлен общий облик обители и/или ее главного храма [см., например: 2]. К концу века развитие фотографии и типографских технологий существенно расширили возможности иллюстрирования. Вероятно, от количества и качества иллюстраций зависел, в том числе, и коммерческий успех издания, поэтому нередко информация об этих его особенностях выносилась на обложку [см., например: 21].

Резюмируем. Описания монастырей были особым видом презентации результатов исследований в области церковной археологии. В их подготовке участвовали наиболее талантливые и усердные представители церковно-археологической науки и любителей церковной старины, активно участвовавших в деятельности археологических и архивных обществ на местах. Описания соединяли в себе научный подход в работе с источниками, требовавший от исследователя и добросовестности, и наличия критической точки зрения, и навыков популяризации, диктуемой просветительской моделью

исторического знания, преобладавшей в ту эпоху. В течение XIX в. постепенно сложилась и развилась форма описания монастыря, представлявшая своего рода маленькую энциклопедию, посвященную конкретной монашеской обители. Она включала историю монастыря, сведения о хозяйственной жизни, каталог строений, святынь и художественных ценностей, а также публикацию сохранившихся архивных документов. В конце второго десятилетия XX в. традиция составления описаний монастырей была прервана ввиду известных исторических обстоятельств. В настоящее время она частично возобновлена в виде статей в томах Православной энциклопедии.

Список литературы

1. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при сей Скита святого Иоанна Предтечи / сост. Лев Кавелин. СПб., 1847. Ч. I, 229 с.; Ч. II, 26 с.
2. Смирнов С.К. Историческое описание Савино-Сторожевского монастыря. М.: Сенатская тип., 1846. 124 с.
3. [Павел (Подлипский), архим.]. Описание Переяславского Троицкого Данилова монастыря из подлинных монастырских бумаг составленное. М., 1834. 105 с.
4. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1857. 470 с.
5. Свирелин А.И. Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М.: Тип. В. Готье, 1860. 119 с.
6. Раздорский А.И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848-1916): сводный каталог и указатель содержания / С предисл. и примеч. А.И. Раздорского. СПб.: РНБ, 2007. 960 с.
7. Добренький С.И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.): автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2006. 30 с.
8. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
9. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М.: Наука, 1975, с. 3855.
10. Массон В.К. Церковная археология как научное направление российской археологической науки // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. СПб. – Псков, 1995. Ч.1, с. 7-9.
11. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
12. Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году: в двух частях. М.: Университетская тип., 1850. Ч. I, 154 с.; Ч. II, 132 с.
13. Ильинский П.В. Переславский Никитский монастырь и его подвижник, преподобный Никита Столпник. Владимир, 1897. 43 с.
14. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямии в российской общественной жизни конца XIX – начала XX в. // ВИ. 2005. №11, с. 98-108.
15. Добронровов В.Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Ч. 1, 140 с.
16. Анатолий Просвирнин, свящ. Библиография трудов архимандрита Леонида (Кавелина) // БТ. 1972. Вып.9, с. 226-240.
17. Свирелин, протоиерей Александр Иванович (некролог) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир: Тип. губернского правления, 1907, с. 4-5.
18. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Сербской царской Лавры Хиландаря и ее отношений к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868. 138 с.

19. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам. М.: Университетская тип., 1876. 768 с.
20. Дмитриев И.Д. Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. М.: Русская Печатня, 1909. 122 с.
21. Савваитов П.И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря (с рисунками по фотографиям священника С.А. Непеина). Вологда: Тип. Вологодского губернского правления, 1902. 58 с.